БОРИС ЗАКОВИЧ

Дождь идет над Сеной

ПАРИЖ
1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"АЛЬБАТРОС"

BORIS ZAKOVITCH

IL PLEUT
sur
LA SEINE

Poèmes

Postface de RENE GUERRA

Paris
1984

БОРИС ЗАКОВИЧ

ДОЖДЬ идет над СЕНОЙ

Стихи

Послесловие Р. Ю. ГЕРРА

Париж
1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЬБАТРОС» ПАРИЖ

Редактор-составитель и автор послесловия

Ренэ Герра

Настоящая книга отпечатана в количестве трехсот экземпляров, из которых двадцать пять экземпляров нумерованных и подписанных автором в продажу не поступают.

Обложка и марка издательства работы художника

Сергея Голлербаха

Склад издания: M. René Guerra

37, rue du Fort. 92130 Issy-les-Moulineaux

FRANCE

Мы шли домой, но вдруг сообразили,
Что забрели как-будто не туда...
Места вокруг страшны и чужды были,
А древний путь потерян навсегда.

à R. G.

Дождь идет над Сеной,
Значит в жизни бренной
Главное — следы
Дождевой воды.

Главное — рассказы
Городского газа
Или же кровать,
Где спокойно спать.

Длинный берег Сены,
Как стихи Верлена.

Счастье далеко,
Все прозрачно, бренно
Над водою Сены
И совсем легко.

***

Р. Ю. Герра

Дремлет сад, вдали трамвай шумит
И как прежде руку наклоняет
Серая Диана, и в глаза ей
Голубь пролетающий глядит.

Сумерки и вечность... Слава Богу
Размело весеннюю тревогу,
Унесло... И темные дома

Нас зовут к негромким разговорам,
К чаепитьям перед смертью скорой...
Мчатся листья, близится зима.

* * *

Только простые слова,
Только совсем пустые...
Зимние ночи, Нева
Или Париж — пустыня.

Поезд идет окружной
В дыме под бледной луной.
Поговори же со мной
Как говорила весной!

Нет, никогда, никогда.
Завтра так рано вставать.
Ты для себя угадал
Как хорошо умирать.

1931

* * *

Чего бояться, для чего
Ложится спать по вечерам
И не на дальний небосвод
Смотреть с бульваров по ночам?

Ах «почему» да «почему»,
Но я до утра не пойму,
Когда веселый, нежный час
И умирает бедный газ.

1931

⁂

Р. Ю. Герра

Весною хочется поговорить
О чем-то голубом и отдаленном,
Уехать за город и позабыть,
Что скучно жить, что холодно влюбленным.

И что по разному о небесах
Все эти вежливые разговоры.
Пустой душе ведь холодно впотьмах,
Душе пустой от расставаний скорых.

От этой вечной тайны голубой...
Но так и быть: Господь с тобой.

⁂

С. И. Шаршуну

Не надо говорить усталому о том,
Что Бог вознаградит за слезы без ответа.
Не лучше ли уснуть, не лучше ли, потом
Не видеть никому не нужного рассвета?
. . . .

Я многое узнал, когда пришла зима
И снег покрыл людей, деревья и дома.

*
* *

Ю. Фельзену

Свежи в предутреннем тумане
Деревья, травы и цветы.
Когда еще поют цыгане.

В прозрачной заводи пусты
Ладьи в мечтательности ранней,
Молчат плакучие кусты.

Когда еще поют цыгане, —
С неизмеримой высоты
Сияет месяц на прощанье

И рассыпаются цветы.

**
*

Р. Ю. Герра

Увы, не испытали вы
Ночного холода Невы
И Рима холода дневного.

На водах Тибра и Невы
Вес камня, времени и слова
Увы, не испытали вы.

О, главы знания ночного,
О, статуй пыльные главы —
Вес камня, времени и слова.

О, воды Тибра и Невы —
Невозвращаемые снова,
Невозвратимые, увы!

* * *

В. Мамченко

Несправедливо мучимые роком
Искатели и вестники добра —
Беседам о прекрасном и высоком
Мы часто посвящаем вечера.

Одетые еще весьма прилично
(Вихор сияет, блещут башмаки)
Мы внемлем собеседникам столичным
И даже отвечаем без тоски.

Тоска приходит только пред рассветом
Из медленно синеющих окон
Спокойным, ясным, еле-видным светом,
Частицей дня, принесенного в сон.

Она приходит... и за ней как-будто
(За темнотой лишенною конца)
Есть эта близость немощного утра
С улыбкою простившего лица.

1939

* * *

Есть непонятная услада
Недолговечности земной
В осенней призрачности сада,
В усталой нежности ночной.

Прозрачный мир воспоминаний
Знакомых улиц и аллей
Душе измученной милей
Ненужных будущих сияний.

Так, тени прошлого, — в саду
С тобой мы ночи коротаем;
И, точно встретившись в аду,
О жизни прежней вспоминаем.

Петух предутренний поет,
Поет петух... и на мгновенье
Друг мертвый друга узнает
Сквозь вековечное забвенье...

И день холодный настает.

***

Р. Ю. Герра

Я узнаю подчас на глубине
Слов человека буднично-печальных
Какой-то отзвук слов первоначальных,
Какой-то свет, мне памятный во сне,

Какие-то, — как после сновидений, —
Забытыя, но близкие слова,
Какие-то мне видимых явлений
Источники заметные едва.

Но узнавая слабыми глазами,
Как на земле уныло и темно,
Я возвратить холодными слезами
Не пробую умершего давно.

***

Б. Божневу

Последний гусь похаживал среди
Своих собратьев, розовых и спящих.
Их лавочники с бляхой на груди
Раскладывали так, что впереди
Мотался клюв, почти не настоящий,
А сзади — хвост пятнистый и живой
Торчал над равнодушной головой:
Он в знойный вечер людям предлагал
Гусятины несвежие запасы
И весел был (он собственного мяса
Гусятиной ничуть не признавал
И человека братом называл).
А на седьмом, склонясь на подоконник,
Крутил усы безумец-беззаконник,
Что перистые тучи изучал,
Добро и зло разумно различал.
Он вдруг о чем-то загалдел прохожим,
На крик безумца голосом похожим,
А серый гусь не ведал ничего,
И лавочники гладили его.

**
*

К. Новосёлову

Вражий стан за дымкой синеватой
Загудел картечью полевой.
Выходили на поле солдаты
Для страды, для жатвы боевой.

И пошли равнинами родными,
Сапогами травы шевеля.
Закричали вороны над ними,
Озирая бранные поля.

А в тылу, за речкой синеватой
Было тихо, в роще молодой.
Выходили бóсые девчата
За холодной утренней водой.

У колодца милого жалели,
Утирали слезы рукавом,
На ветру гадали, как умели,
О солдатском деле боевом.

И над всей, от края и до края
Горемычной, ласковой страной,
Пролетала песня боевая
Белокрылой птицей неземной.

1944

***

Есть в детях тайное сиянье,
Иль память, скрытая для нас,
Несовместимая с познаньем
На землю обращенных глаз.

Не помня ведомого детям,
В них мы лишь смутно узнаем
О сущем, но незримом свете,
Сокрытом временем и сном.

Чтоб жить, мы лечимся забвеньем,
Чтоб жить, мы тлением больны
Но называя сновиденьем
Все непохожее на сны.

Мы сами в трудные мгновенья
Познанья вещего полны
И ужасаясь, раздвоеньем
Своих сердец удивлены.

***

Б. Поплавскому

Возвратившись ночью, однажды,
Без надежд, без денег, без сил,
«Что душа, любовь или жажда,
Или холод? — так я спросил.

«Чем живу я, кого люблю я,
За кого по ночам молюсь,
Тяжкий грех за кого свершу я,
Иль проснусь и к жизни вернусь?»

Уж сказал я, то было ночью,
В час, когда живые во сне,
И картину души воочью
Я увидел в пустом окне.

Там, во тьме, серебрилось поле
Облаков под белой луной,
Без конца и без края, доколе
Простирался холод ночной.

Пустота, провал молчаливый,
Как во мне, как на дне души,
Где ни радостно и ни тоскливо
Просто, холодно и ни души.

***

Л. Червинской

С любителями слов о «добром и о вечном»
Случается и мне ночами толковать.
Высокие слова, мне нужные, — конечно.

А дома — тишина, железная кровать
И пачка папирос, чтоб молча тосковать
Чтоб ничего не знать, пока в рассвете млечном

Не встанет день и, слышные едва,
Не скажет он правдивые слова.

***

На бой часов, гласящих — «никогда»,
Мы отвечаем: «некогда, когда-то»,
Пока соблазн молчания и льда
Не примирит живущего с утратой.

Соблазны льда растут, как опыт дней,
Который ночью явственен в молчаньи.
И что нам рай, когда душе вольней
Найти покой в двенадцатом звучаньи.

**
*

Б. Поплавскому

Мы верим тьме, что в ней — начало света,
Мы любим свет, где есть начало тьмы.
Но что есть свет и что есть сумрак, мы
Не обретем у времени ответа.

Быть может, свет и сумрак есть одно
Нам зримого невидимое дно?..
Ответа нет... Покуда длится время,
Нам чуждо духов огненное племя.

**
*

А. Штейгеру

Зима, зима... Рождественские дни.
Уж скоро мы сподобимся, надеюсь,
Отпраздновать с друзьями иль одни,
Под восковыми звездами, рассеясь,
И позабыв о скучном, о дневном,
Мы в эту ночь о чем то (о родном,
Но издавна потерянном) услышим.
В потрескиваньи елочных огней,
В молчаньи снега, спящего на крышах,
В словах гитары...
                Но в который раз
Мы слышим этот елочный рассказ?

* * *

Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

А. Пушкин

В часы дороги, суеверно
Приметам веря путевым,
Ночным гудкам, луне, неверно
Белея, мчавшейся сквозь дым,

Я думал, меря расстоянья,
И дни их опытом пустым,
Что нет наград в краю изгнанья
Слезам, бесцельно пролитым,

Что счастья нет... Ночная дума
Была правдивою: за днем
Приходит день; вся жизнь угрюмо
Летит, как тучи за окном.

Я лишь того, в ночном гаданьи
Колесной песни путевой
Узнать не смог, что здесь в изгнаньи
Я встречусь, милая, с тобой,

Что буду ждать тебя, как прежде
Я ждал другую в час ночной,
И вновь узнаю плод надежды, —
— Прощанья шопот ледяной.

***

Н. Д. Татищеву

Мы шли домой, но вдруг сообразили,
Что забрели как будто не туда...
Места вокруг страшны и чужды были,
А древний путь потерян навсегда.

Но брат сказал, и я жене доверил
Ночной завет покойного Отца,
(Отца, который все пути измерил),
Что в недрах тьмы есть радость без конца.

«Поверь мне, брат! Поверь, жена!» —
«Поверим!» —
Сказали трое голосом одним.
И вот с тех пор мы бродим, ищем, верим,
Зовем друг друга и пространство мерим,
Ища наш дом под небом ледяным.

***

Весь день, всю ночь в палате слышен плач,
Весь день, всю ночь в палате бродит врач.
Усатый врач в палате бродит глухо,
И громкий плач летит в глухое ухо.

Усатый врач не может врачевать:
У старика — резиновые руки.
Здесь можно только маяться и звать,
Ночному ветру возвращая звуки.

Ночному ветру возвращая звук
Бессвязных слов, на эту ночь похожий
Врача иного ожидая стук
В ту дверь, куда мы все уходим лежа.

Пахло кошатиной, скукой,
Слышался дождь... Иногда
В кране по птичьи, но с мукой
Тихо ворчала вода.

Брезжило утро... По вдовьи
Выли заводы во мгле,
Сон покидал изголовье
Будто жалел обо мне.

**
*

Дорис А.

Я шарил долго, скучно, деловито
И наконец, за шкафом, у стены,
Нашел огрызок хлеба, там забытый
С какой-то осени или весны.

Покрытый пылью и уже зелёный
Он был тогда мой ужин и обед,
Одновременно сладкий и солёный
От соли той, которой в лавках нет.

Я этот хлеб не разделил с тобою:
Я жил один и тщетно ждал письма.
Поев, я лег, чтоб слушать перебои
Того, что сердцем ты зовешь сама.

***

Для детищ нашей матери — Цереры
Все вечное в земном отражено —
И звездных пастбищ зыбкие размеры,
И Стикс, где нам забвенье суждено.

И прав любовник, смертному лишь верный,
Когда лишь смерть в нас будит сердца жар,
Органа звук и ямба голос мерный
И звезд осенних траурный пожар.

Не выше ль звезд, кто тщится в жизни дикой
Земную боль надеждой укротить?
Не он ли сможет душу Эвридики
Из темного Эреба возвратить?

***

Между тем, как в окне розовее
Становилось от пенья Эола,
Я читал по ночам Одиссеи
Для скитальца родные глаголы.

Под высокими башнями Трои
Столько лет, так бесцельно сражаться...
Под высокими башнями Трои...
И не в силах с Нептуном расстаться,
Он мечтал о последнем покое...

По ночам над Парижем уснувшим
Раздается чуть слышное пенье, —
То серебряный месяц уснувший
По ночам состязается в тленьи
С Илионом, давно потонувшим.

**
*

В окне — луна. Под нею — черный дом.
А там — волы. И страшно в доме том
Стоять, жевать и бредить по ночам
Еще живым, мясистым рогачам.

В саду, меж тем, пред окружным судом
Незрячий крот подземный строит дом
И роет ход для бегства, и грызет
Бетон, кирпич и синеватый лед.

А тут — жильцы: на черепах чепцы
И челюсти — как ржавые щипцы,
И что ни клеть, на каждого жильца
Зловещих дум запасы без конца.

***

А. Гингеру

Мы играли в карты до утра,
Даже ничего не проиграли,
Только постарели да устали,
Только поумнели со вчера.

И никто не видел, как домой
Мы дошли пустынной слободою,
Примирясь с усталостью, с зимой
И с давно проигранной судьбою.

И как долго, долго на рассвет,
Расставаясь, молча мы глядели,
Точно жизни не было и нет,
Точно жизнь пустой, минутный бред
Перед сном, нас ждущим в самом деле.

* *
*

Наша фауна и флора,
Зимний город, фонари,
Карты, ночь, вино и скоро
Отблеск мертвенной зари.

Что же делать? Бога нету,
Ну, помолимся Ему.
Денег нету, Бога нету.
Ну, поговорим об этом,
Ну...

* *
*

Был он пьян и потому
Резал правду лихо.
Надзиратели к нему
Подходили тихо.

Вдруг — напали под луной
Разом — хвать за плечи,
Чтоб затих трезвон больной,
Незаконной речи.

Раз по шее, два и три...
Поминай уставы,
Пьяных истин не твори,
Истины — неправы!

Правы ноги, сапоги,
Пуговицы, дула.
Ночь дослушала шаги
И опять уснула.

***

Пошел гулять; домой не возвратился,
Быть может, помер иль сошел с ума.
И некто овдовевший поселился
В его жилище, скучном, как тюрьма.

И так похож был обитатель новый
На прежнего, что вы́жил из ума.
Усами, лбом, повадками, что снова
Он стал бродить у берега речного,
Крутого и опасного весьма.

***

Кто думать смел? Жду слова: кто здесь думал?
Ответа нет... Стук сердца... Тишина.
Чтоб выжить под начальником угрюмым,
Работай, спи, не мешкай у окна!

Знай, от Петра Великого доныне
Начальник прав: он думает за всех.
А люди что? Людишки! Без веселья
Они начальству служат для потех.

**
*

Через тысячи лет на земле
Ресторанов не будет ночных,
И бесед о любви, о луне,
Слов привета и слов ледяных.

И не будет ночных поездов,
Утешений терпким вином,
Первых встреч и первых разлук
И твоих, меня перед сном
В поздний час ласкающих рук.

**
*

Туманный день. Ненастье за окном.
В квартире темень, шепоты, раздумья.
Идут часы. Супруги ни о чем
Не говорят. Им скучно до безумья.

Они молчат. Они живыми были,
Но вот, живьем, свершив законный брак,

Они в квартире скучной жили так,
Так много лет, что чувства их остыли
И телевизор съел их до конца,
Лишив сознанья, сердца и лица.

***

Какой судьбы избрали мы дорогу?
Да никакой! Старели понемногу,
Работали (иначе не могли),
Порой молились Богу без ответа
И ждали, ждали радости и света,
Любви, каникул, солнечного лета
С Марусей, с Анной, с Верой... и легли
В участок тесный глинистой земли.

***

Ю. Одарченко

Вблизи неслышны были звуки
Часов на башенной стене,
Казались каменными руки,
Уснули клавиши во тьме.

Но дальше — продолжались счёты
Других, безжалостных часов
И древний шум ночной работы
Трудолюбивых столяров.

И где-то, в тёмных дебрях сада
Звучали выстрелы и смех...
Ночь длилась, как ей длиться надо,
Чтоб материнствовать за всех.

***

В то утро, по свидетельству жены,
Кой-как успевшей убежать в пещеры
И там прожившей, кажется, полгода
С Дианою — наставницей своей,
Ни облака, ни звери, ни растенья
Не предвещали гибели. Рассвет
Над синей гладью, спящего залива
Был, как всегда, спокойно безмятежен,
И лишь одни любовные заботы
Еще будили рощи и сады.
Дремали звери в логовах пустыни,
И даже сам, к виденьям приобщенный,
Дремал ширококрылый Гамаюн...
Увы, и Он не молвил посвященным
О том, что здесь готовилось, рождалось,
Как лава здесь с водою повстречалась,
Когда Вулкан Цереру пробудил.

***

В. Шеметилло

Хоть жизнь прожить — не поле перейти,
Я дни свои уже, как будто, прожил.
Хотел любовь и истину найти
И все изведав трудные пути,
Все лучшее предал и уничтожил.
А между тем, над старым чердаком
Рассвет, как в детстве, радостен и светел.
Мне в Галлии он русским языком
И воробьиным щебетом ответил.
Вошел ко мне, поставил самовар,
Принес три чашки (третья для Елены).
Но где она? Забывчив я и стар!
Она далече, в памяти нетленной!

* * *

Осенний день. Кленовый предо мною
Желтеет лист. Он сумрачной чащобой
Взлелеян был. Как просто и как мудро
Теперь он в книге дремлет, ожидая,
Чтоб я зимой, рассеянным движеньем,
Его нашел... и вдруг, припомнил день,
Тот летний день, когда его с тобою
Мы схоронили в томике, где Тютчев
Писал об осени перноначальной,
Но ты, мой друг — ты помнишь ли об этом,
Когда в тиши, старушкой одинокой,
В ночи, как море тайной и глубокой,
Задумавшись, ты смотришь из окна?

Я помню, хороша была ты молодою.
Но знай, что и теперь, пусть старость подошла,
Пусть вижу я тебя усталой и седою,
Я говорю — моей осталась ты весною,
Надеждою моей, что столько лет со мною
И в радости и в горе прожила.

***

Люблю я здесь и горные громады,
И волн певучих мерные ряды,
И шум весны, и шепот листопада,
И зной, и снег, и рощи, и сады.

Я их люблю за странность сочетанья
Их красоты с их бренностью земной,
За то, что жизнь — лишь легкое сиянье,
Лишь музыка любви и расставанья
В преддверьи близкой темени ночной.

***

В деревню я приехал наугад,
Жилище снял, откуда, за полями,
Виднелся лес и слева, еле-еле,
Синел залив чуть видной полосой.
Вдали от всех, без нежности твоей
Я городскую заменил тревогу
Усладой одиночества ночного,
Раздумьями, что старость беспощадно
Нам дарует, и странною надеждой,
Что горечь всю, всю боль пути земного
Когда-нибудь с тобой мы позабудем,
И не умрем... что нету смерти жала
И что с тобой мы будем, как бывало,
Любить друг друга, ласточка моя.

* * *

Он в гости шел, а рядом с ним — Она
В мантилии и маске смехотворной,
И в той же маске белая луна
За ними шла над улицею черной.
И вот герой, не зная почему,
Играя тростью, тростью удивленный,
Стал у крыльца, и Некто, в этот сонный
И страшный час, не спавший никогда,
Сказал ему — я ждал тебя сюда!

Дорис А.

Мне хорошо. Ты тихо предо мною
Сидишь в раздумье позднею порою,
И может быть, додумываешь то,
Что давеча о дружбе нашей верной
Тебе я молвил.
В отблеске вечернем
Как хороша ты в старости, мой друг!
В твоих чертах усталых и за ними
Мне и в тоске и в радости родными,
Есть тихий свет, Он солнечного дня
Еще теплей и ярче для меня.

***

Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,

О. Мандельштам

Когда вдали открылся океан
Мы замолчали. Утренний туман
Синел над взморьем, взору открывая
Такую ширь, что мы, не понимая
Печальна ли, иль радостна она
Остановились, вспомнили былое
Вздохнули так, как если б мы с тобою
Увидели впервые, как рассвет
Рождает волны, землю, брег песчаный
И пароход, за мыс, ещё туманный
Отчаливший в задумчивую даль.

⁂

Я слушал Баха. Эту партитуру
Он сочинил, проснувшись с петухами,
Когда один лишь булочник соседний
С молитвою к работе приступил.

Он стал писать сперва неторопливо,
Потом — тревожней, еле поспевая
За хорами незримыми, и радость,
Такая радость, страшная для смертных,
Вдруг осенила старческое сердце,
Что отзвук этой радости нездешней
Для нас утешен в горькие часы.

Проснулся он в тот час, еще неверный,
Когда петух настраивал свой голос,
И в городе, в удушливых перинах,
Мещанский сон был сладок и тяжел.

Он вслушался в рассветное молчанье
Под бледною предутренней звездою,
И вдруг молчанье с ним заговорило,
Запело, множась, радуясь, волнуясь,

И не о том, что низменно и пусто,
О том, что в смертном смерти неподвластно,
О том писал он, старости не зная,
В тот бледный час в немецком городке.

***

Видал ли ты, как ветер в непогоду
Высокие склоняет тополя,
Как их вершины молвя «да» и «нет»,
Еще не зная верного ответа,
Но чуя то, что близко увяданье,
С осеннею природой говорят?

Они в полях осеннею порой
Отроковицам древности подобны,
Когда средь них, беспечных до поры,
Их старшая, какой-то вещий сон
Открыла им, и вдруг, от этой речи
Свои главы они склонили долу
И те слова друг другу прошептали,
Которых люди днем не произносят
И только ночью шепчут про себя.

***

Я шел к востоку путаницей улиц.
На запад шли кургузые дома,
На север звезды, а на юг, сутулясь,
Шли стаи туч, и эта кутерьма

Тревожила жильцов простоволосых,
Пьянчуг и трезвых, женщин и мужчин,
Людей кривых, носатых и безносых,
Запутавшихся в собственных вопросах.
И несмотря на звание и чин,
Узнавших страх по множеству причин.

**
*

Считают годы, месяцы, недели,
Считают дни, и дни — на самом деле,
По городам, по селам, по морям
Проходят молча, медленно седея,
Все унося, былого не жалея.
И лишь во сне о прошлом шепчут нам.
А люди ждут и бредят по ночам.

**
*

Ноябрь, ноябрь. Последний перелет
Свершают птицы, оглашая поле.
Во мгле утра полупрозрачный лед
Сковал озера. Загородом, боле
Забывшая латынь, не кличет детвора,
Лишь галки на ветру тревожат вечера.

В ноябрьский темный день, в трамвае дребезжащем,
Я уезжаю в лес, чернеющий и спящий,
Чтоб листьями шуметь, покуда за рекой
Не вырастет туман, и медленной рукой
В тумане начертать Твой образ незабвенный...

Дома табунами уснувшими
Под белесой луной стоят.
Высоко-высоко, как минувшее,
Зеленея окна горят.

А за ними — певцы зарубежные
На разбитой гитаре бренчат,
На чужбине песнею нежною
Воскресить пытаются прежнее,
О России всю ночь ворожат.

И уходит их песня сердечная
Сизым соколом, черным орлом
На восток, в ту степь бесконечную,
Где плывет еще памятью вечною
Полумесяц над спящим селом.

***

В деревне хорошо в начале дней осенних,
И кажется, что здесь, во Франции, вдали
От пажитей родных и от лесов России,
Где юношей, один, я некогда блуждал,
И рощи и поля похожи в час рассвета
На рощи и поля, мне некогда родные,
И множество во мне родят воспоминаний
Задумчивых лесов чуть слышимые речи,
Когда октябрьский ветр их листьями играет,
В неведомую даль одежды их уносит
И, кажется, со мной о прошлом говорит.

***

Не Гамлет я: слов «быть или не быть»
Не молвил я на острове угрюмом.
И пусть я стар, я здесь хочу пожить,
С тобой, родная, видеться, дружить,
С тобой делить изменчивые думы.
Что нужно мне? Взять за руку тебя,
Твою печаль рассеять, хоть на время,
Сказать, шепнуть, что в жизни без тебя
Нет ничего, что лет минувших бремя
Не истощило нежности моей,
Что этот сад, где в юности с тобою
Встречался я и дальнему прибою
Внимал в раздумье, веря и любя,
Еще цветет и шепчет про тебя.

**
*

С. З.

В пустыне звезд песчинка есть — земля
С морскою далью, с пашнями, лесами,
Где сердцем, полным страха и надежд,
Мы тщимся жить...
Где в горе с нами тайно
Ночует муза...
До закрытья вежд
Она для нас — нежнейшая подруга,
Нам давшая таинственную власть
Взлететь, устать и горестно упасть.

**
*

Р. Б.

Да, есть порог! А за порогом этим —
Ни ночь, ни день, ни лето, ни зима.
Никто оттуда краткого письма
Еще не слал. Ты говоришь: мы встретим
За ней, за этой темною чертой,
Друзей, родных, и в радости святой
Уж никогда не разлучимся с ними...
А я, мой друг, твою дослушав речь,
Пойду блуждать осенними полями
И там, быть может, вздумаю прилечь,
В дорожный плащ укутавшись до плеч.

**
*

Пошептывает дачный самовар.
В стране чужой он тот же, что в России,
И тот же месяц, что теперь, быть может,
Кремлевские громады освещает,
Торжественно восходит за лесами
И улицами галльской деревушки,
Куда меня судьбина занесла.

И что ж теперь? Один я здесь, как всюду.
А ты, моя родная? В этот час
Ты спишь, быть может, иль с печальной думой
Глядишь в окно и видишь тот же месяц
Среди парижских крыш остроконечных.
Но как помочь? Скажи, какое благо
Дают друзьям любовь и сожаленья.
Скажи, какими тихими словами
Тебя утешить, друг мой, чтоб улыбка
Твой лик усталый снова озарила,
И ты, хоть б на время, позабыла
Неизмеримый холод бытия?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Есть бытие, но именем каким
Его назвать? — ни сон оно, ни бденье.

Баратынский

Давно уже стали достоянием истории русской литературы, прекрасными тенями, имена тех, кому посвящены стихотворения этой книжечки. И вот аз — неприметный, русской словесности в изгнании «случайный пасынок» беру в руки перо, чтобы сказать несколько слов о самом авторе, одном из последних ныне здравствующих поэтов «парижской ноты», живущем в Париже по сей день, и до конца сохранившем верность взятой тональности. А тональность «парижской школы», если использовать для курьеза строку из стихотворения Г. Адамовича — «и голубое la-la-la...» была «ля-минор».

Поплавский, Штейгер, Одарченко, Божнев, которым посвящены многие стихи, давно уже более или менее полностью изданы, известны и на Западе, и, каким-то чудом, в СССР. Борис Закович, увы, такой известности до сих пор не имеет, — разве только вспомнятся кому-нибудь, что ему посвящен первый из посмертно изданных сборников Поплавского «Снежный час» (1936 г.), или, что менее вероятно, придут на память кому-нибудь строки его стихов, попадавшихся тридцать-сорок-пятьдесят лет тому назад в журналах и антологиях, но вряд ли.

Борис Григорьевич Закович лишь теперь, накануне своего восмидесятилетия, решил выпустить сборник своих

стихотворений. Он родился в Москве 8 ноября 1907 года. Россию покинул вместе со своей семьей в 1920 г., сперва попал в Литву, осенью 1923 года приехал в Париж. Здесь же начал писать, а с 1930 года и печататься — первая публикация состоялась в сборнике «Союза молодых поэтов», потом его печатали «Числа», «Воля России», «Круг» и «Русские записки».

Приведенный Поплавским, Закович стал бывать постоянно на «Воскресеньях» у Мережковских. Ирина Одоевцева в своей книге «На берегах Сены» вспоминает случай, когда Мережковский назвал Заковича, скромного и застенчивого молодого поэта, «Тертуллианом». Сначала как член «Союза Молодых Поэтов и Писателей» Закович бывал и на поэтических собраниях в кафе «Ла Болле», а позже стал членом литературного объединения «Кочевье», созданного весной 1928 г. по инициативе М. Слонима редактора журнала «Воля России». «Кочевье» объединяло поэтов формально более левых, чем, например, «Перекресток», стремившийся к нео-классицизму и тяготевший к Ходасевичу, — хотя современному читателю эту «левизну» приходится выявлять уже глядя через увеличительное стекло. В первое входили помимо Б. Заковича — Б. Поплавский, М. Струве, В. Андреев, В. Познер, Д. Кобяков, Е. Евангулов, А. Ладинский, С. Шаршун, А. Гингер и др. — во втором — участвовали В. Смоленский, Г. Раевский, Ю. Терапиано, Д. Кнут, Е. Таубер, И. Голенищев-Кутузов и др. Сколько имен и сколько несхожих судеб! Все они, по крылатому и уже заезженному выражению В. Варшавского, принадлежали к «Незамеченному поколению». Одни из них, впрочем, приобрели известность в советской литературе, но не как поэты (Ладинский, Голенищев-Кутузов), другие как Довид Кнут, (и не он один — нужны ли примеры?) вообще отвергли, в конце своего пути, даже самый русский язык, третьи слишком рано ушли из жизни, чтобы можно было строить догадки об их дальнейшем творческом пути (Поплавский, Штейгер), четвертые — уж этих человеколюбия ради по именам перечислять не

будем, ибо исписались они до точки, но все-таки и они — поэты того странного, многими изруганного, для многих неприемлемого, но, вместе с тем, значительного явления, получившегося название «парижской ноты». Среди наиболее «парижских» из всех парижских поэтов нужно назвать, сразу после Г. Адамовича, Б. Поплавского и Л. Червинской, имя Бориса Заковича.

Ни славы, ни даже архива у этого поэта, несомненно одаренного, нет. Для того, чтобы составить этот сборник стихотворений пришлось их буквально «наскрести» по одному со страниц эмигрантской периодики за последние полвека, в частности, со страниц ранних и несомненно лучших антологий русской зарубежной поэзии: «Якорь» (1936 г.), «Эстафета» (1948 г.), «На Западе» (1953 г.). Эта последняя, к слову сказать, не только для Заковича, но и для других талантливых, но забытых поэтов (К. Гершельман, Н. Муравьев и др.), увы, стала последним, по сей день, напоминанием читателю: «мы — были! Не забудьте нас!». Ни в «Музе диаспоры», ни в «Содружестве», ни во «Вне России» Борис Закович, в частности, представлен уже не был — несмотря на то, что продолжал, хоть и немного, писать. В послевоенные годы стихи Заковича были напечатаны только в сборниках «Встреча» и в журнале «Новоселье». Но уже треть века, как в печати не появляется ни строчки. Лишь теперь изданием этого сборника устраняется несправедливое забвение.

Поплавский, чье посвящение на книге «Снежный час», создало на сей день единственную сколько-нибудь заметную славу Заковичу, сыграл в судьбе последнего большую роль и оказал на него несомненное творческое влияние. Если читать дневники Поплавского, то не мало отыскивается в них строк о совместных блужданиях по спящему Парижу, о ночных бдениях в Монпарнасских кафе, о том, что «О, сколько раз после бессонной ночи мы молча проходили по пустым и чистым улицам, наблюдая медленное рождение света, медленное возвращение к грубой жизни...».

Но не только для того, чтобы еще раз напомнить о прекрасной эпохе русского довоенного поэтического Парижа, собрана и издана сегодня эта книга избранных стихотворений Б. Заковича. Эта книга — еще одна страница поэзии русского зарубежья двадцатого века, явления огромного и разнообразного, пренебрегаемого и одновременно служащего предметом преклонения и изучения, явления которым, быть может, вообще оправдывается само существование русской эмиграции.

Г. Федотов писал в свое время на страницах «Нового Града», что трехсот читателей для книги, функция которой — уберечь искры культуры для грядущих поколений, вполне достаточно, — и был прав. Пусть пока триста читателей, пусть пятьсот — пока. Не навеки же. Глянув из грядущего столетия в наше, хочется верить, что к тому времени литература русского Зарубежья будет уже, если не оценена по-настоящему, то хотя бы собрана и издана. Будущий читатель заметит в ней хоть и немногие, но поистине одухотворенные строки поэта Бориса Заковича.

Ренэ Герра
сентябрь 84 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Дождь идет над Сеной	7
Дремлет сад, вдали трамвай шумит	8
Только простые слова	9
Чего бояться, для чего	9
Весною хочется поговорить	10
Не надо говорить усталому о том	10
Свежи в предутреннем тумане	11
Увы, не испытали вы . . . . , ...	12
Несправедливо мучимые роком	13
Есть непонятная услада	14
Я узнаю подчас на глубине	15
Последний гусь похаживал среди	16
Вражий стан за дымкой синеватой.	17
Есть в детях тайное сиянье	18
Возвратившись ночью, однажды	19
С любителями слов о «добром и о вечном»	20
На бой часов, гласящих — «никогда»	20
Мы верим тьме, что в ней — начало света	21
Зима, зима... Рождественские дни	21
В часы дороги, суеверно	22
Мы шли домой, но вдруг сообразили	23
Весь день, всю ночь в палате слышен плач	24
Пахло кошатиной, скукой	24
Я шарил долго, скучно, деловито	25
Для детищ нашей матери — Цереры	26

Между тем, как в окне розовее 27
В окне — луна. Под нею — черный дом 28
Мы играли в карты до утра 29
Наша фауна и флора 30
Был он пьян и потому 30
Пошел гулять; домой не возвратился 31
Кто думать смел? Жду слова: кто здесь думал . . . 31
Через тысячи лет на земле 32
Туманный день. Ненастье за окном 32
Какой судьбы избрали мы дорогу? 33
Вблизи неслышны были звуки 34
В то утро, по свидетельству жены 35
Хоть жизнь прожить — не поле перейти 36
Осенний день. Кленовый предо мною 37
Я помню, хороша была ты молодою 37
Люблю я здесь и горные громады 38
В деревню я приехал наугад 38
Он в гости шел, а рядом с ним — Она 39
Мне хорошо. Ты тихо предо мною 39
Когда вдали открылся океан 40
Я слушал Баха. Эту партитуру 41
Проснулся он в тот час, еще неверный 41
Видал ли ты, как ветер в непогоду 42
Я шел к востоку путаницей улиц 43
Считают годы, месяцы, недели 44
Ноябрь, ноябрь. Последний перелет 44
Дома табунами уснувшими 45
В деревне хорошо в начале дней осенних 46
Не Гамлет я: слов «быть или не быть» 46
В пустыне звезд песчинка есть — земля 47
Да, есть порог! А за порогом этим 47
Пошептывает дачный самовар 48

Послесловие Р. Ю. ГЕРРА 49

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЬБАТРОС». ПАРИЖ:

Д. КЛЕНОВСКИЙ	Собрание стихов, I	1980 г.
А. ВЕЛИЧКОВСКИЙ	Нерукотворный свет. Стихи	1981 г.
А. ДАВЫДОВ	Воспоминания.	1982 г.
С. РАФАЛЬСКИЙ	За чертой. Стихи.	1983 г.
Е. ТАУБЕР	Верность. Стихи.	1984 г.
С. РАФАЛЬСКИЙ	Николин Бор. Проза.	1984 г.
Б. ЗАКОВИЧ	Дождь идет над Сеной. Стихи	1984 г.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Д. КЛЕНОВСКИЙ	Собрание стихов, II.
А. РАННИТ	Сухое Сиянье. Избранная лирика.
А. НЕСМЕЛОВ	В затонувшей субмарине. Стихи

СБОРНИКИ СТИХОВ «РИФМЫ», ИЗДАННЫЕ Р. Ю. ГЕРРА:

А. ВЕЛИЧКОВСКИЙ	С бору по сосенке.	1974 г.
И. ОДОЕВЦЕВА	Златая цепь.	1975 г.
А. ШИМАНСКАЯ	Антенны.	1976 г.
И. ОДОЕВЦЕВА	Портрет в рифмованной раме.	1976 г.
А. ВЕЛИЧКОВСКИЙ	О постороннем.	1979 г.
В. ВЕЙДЛЕ	На память о себе.	1979 г.
Т. ВЕЛИЧКОВСКАЯ	Цветок и камень.	1981 г.

ДРУГИЕ КНИГИ, ИЗДАННЫЕ Р. Ю. ГЕРРА:

С. ШАРШУН	Без себя. Проза.	1972 г.
Е. ТАУБЕР	Нездешний дом. Стихи.	1973 г.
Д. КЛЕНОВСКИЙ	Последнее. Стихи.	1977 г.
М. АНДРЕЕНКО	Перекресток. Рассказы.	1979 г.
СТРАННИК	Переписка с Кленовским.	1981 г.
З. ШАХОВСКАЯ,		
Е. ТЕРНОВСКИЙ		
Р. ГЕРРА,	Русский Альманах.	1981 г.

Editions René Guerra

Склад изданий: M. René Guerra

37, rue du Fort, 92130 Issy-les-Moulineaux, FRANCE.

Achevé d'imprimer
en octobre 1984
sur les Presses de la Première
Imprimerie Ukrainienne en France
à Paris
3, rue du Sabot